

ВРЕМЯ КОФЕ

Евгений Писелов

Рисунки Евгения Пospelова

Верстка Антона Алипова

Книга о чувстве-существе, которое возвышает нас над пропастью нашей ненужности — о мимолетном вечном, которое захватило нас врасплох.

ВРЕМЯ КОФЕ

Евгений Пospelов

Время Кофе

В кофе подмешано время.
А рядом нет ни-ко-го. —
Смущенно смотришь в себя
мимо прохожих,
освободившихся ото всего,
что тебя так постыдно гнетет —
от бесед с Незнакомцем,
от смиренья,
от страха друг друга терять,
от стыда говорить еле-слышные вещи...

Когда это всё
так неловко с тобой происходит,
могу предложить в утешенье одно —
час
за чашечкой кофе.

* * *

Если с тобой любовь,
о чем жалеть...

Утром укрась лоб и ладони
светом —
найди его.

Всему суждено умереть,
но переход к чистому звуку
строится ныне.

Пусть неритмичны слова
извлеченные в миг пробужденья.
Пусть неуместны руки
перед не-хлебом-насущным.

Нет выбора нам
любить.
жизнь сама по себе —
ожидание встречи.

* * *

Бойко вышли дешёвые газеты
и дорогие чиновники.
И я очнулся градусником у сердца —
с чувством что зазвонило во мне как будильник:

пора! в причудливо-тесную кофейню
полную беспризорных поцелуев

чтобы забыть на час всемирную историю
и погрузиться в чтение
собственного сердца...

* * *

Троллейбус остановится у кофейни.
Ты спрячешься здесь от дождя,
что в тебе льёт, не в кайф,
год за годом... —

Смысл утерян всему
в твоих топких мирах
неслучайно...

Здесь обычный кофе:
приглушённый свет голосов,
мягкий отблеск знакомств,
силуэты несвязной любви,
как смятые строфы,

и мои глаза
для тебя
в обрамлении грёз...

как тебе этот кофе?..

(У картины Матисса)

Когда внезапно
чувства сметены,
не поздно
на красный холст
поставить всё что уцелело — вазу
ракушку, зеркало —
хотя бы их...

По бездорожью незнакомых дней
уйти к тебе
и в золотистом смехе
найти рассвет
и радость знать тебя.

И чудом уцелеть вдвоем
на тонком стебле
взаимности.

* * *

Из под ресниц — зеленое
сиянье тепла.
Жду тебя, сердцем мощу ступени
к тихой вершине дня —
к стеклянной кофейне,
где ты найдешь меня
будто забыла вчера ожерелье —
нежность моих рук-вечеров.

Однажды я вышел
искать твой пылающий силуэт
и где-то заблудился
и меня не отыскать во век...

но лучше не читать этих слов
в своем сердце —
мы все равно когда-нибудь умираем
в старых одеждах
воспоминаний.

* * *

Приходит вечер
сжигать гравюры города.

Кофейни как всполохи
сгоревшего дотла
проспекта.

Куда спешить
стоящим за стойками,
когда их дом
отстроен не по ним,
и в нем живут
незначачие люди,

Когда повсюду все горит и тлеет
незримо
в золу
в горячий кофе
из зерен
ночных ветров.

* * *

Где вы, друзья,
безудержные и одержимые!? —
смялись скороговоркой
в пару стоптанных фраз —
вместо Эпоса о невероятном...

Площадь опустела.
Букеты из отсечённых бутонов
уже не цветы.
И только сквозняк
бьёт о булыжник скорлупки
незрелых
смешных обещаний. —

Площадь сердца пуста,
и в окнах гаснет любопытство.
Быстрыми пальцами трещин
по клавишной кладке былого
звучит забвеньё...

Да и, в сущности,
что было обещано? —

Уже никто не помнит...

Мечты

Лирический эпос скитаний:
оранжереи стеклянных кашпо-кафе,
любовный коктейль из сердец,
рукопожатие, удержавшее от измены,
всполохи слов в ночных телефонах,
мечты... —

как летящие блики из сердца,
проткнувшие тусклый
плафон обыденности.

Мечты! — как летние сны среди книг
под тихое нашествие московского снега.
Там я любил — не прикоснувшись ни разу —
чьё-то лицо в отражениях времени...

Но очнувшись среди площадей,
окутанных облаками,
ароматами булочных,
ожиданьем —
я знал, что каждый из нас — круженье воздуха
вокруг луча,
что спирально ввинчивается
в небо,
унося нас
над нашими головами...

* * *

Расставив западни,
эстетский дух играет этим миром,
нас понуждая верить, что любовь
подобна лилии и юной танцовщице. —

Она ж плетёт светильники —
такие же простые, как сама,
лишь из того что есть мы...

(зарисовка)

На улице взвизгивал медью
детский оркестрик.

В нём мерно и гулко стучал большой барабан —
словно в воздухе билось облако-сердце —

тонкий мальчик безропотно нёс его вдаль ...

он взмок и устал
через город полмира нести
на плече...

* * *

Слепки времени (лица!),
в которых нам ссужено быть —
рисунки,
в которых линии грубо
сползают со лба по щекам...

И я замираю среди безупречных зеркал:

я вижу в них быстро взрослеющий холст
с изображением юноши...

И нет силы вырвать себя
из сплетённых нитей холста —

сбросить с лица, освобождаясь
от тончайших наслоений,
зеркало Времени.

*Воскресенье**Памяти Г. Маркеса*

Стук капель в окно — так промокшее утро
приходит себя скоротать
в эту кофейню,
где всегда застреваешь
в рукавах разговора
или молчишь за отсутствующих...

где в кофейном зерне
уже с утра столько вечерней прозы,
что, слушая дымчатый ветер
смеющейся женщины,
забываешь о себе
навсегда...

* * *

Мы редко видимся, мама.
Но память настолько верна,
что ты без помех возникаешь на улице,
тихо со мной говоришь. — И я вижу
как слабо киваешь, садишься в вагон,
и я закрываю глаза...

но кто-то перебивает:
мужчина, Вам плохо?

Взгляни,
в моих праздниках стало больше морщин,
в моих лицах — чужого.

Где он? —
ты знаешь, где спрятался твой звонкотелый
и радостный мальчик?...

И снова ты возникаешь,
и мы говорим,
и кто-то участливо перебивает:
Вам плохо?...

Седьмая печать

После жизни
столь великой в простых мелочах —
как глобус крыжовника, мера дождя в сентябре,
личинки солнц в одуванчике, пчёлы...
(как сладко всё это чувствовать ежеминутно!) —

вскроются все печати,
отбросится вытканый полог из блёсток разума,
разверзнутся мозаичные полы сотворённого,
лопнут витражи чувств...

и мы не сможем укрыться,
как некогда в колыбелях,
чужими ладонями...

* * *

Чувство ушло
и только горечь осталась

и надо бы смыть её с горла —

как бутыль опрокинуть улицу
и влить в себя всё её безразличие!

задохнуться зябким теплом незнакомцев
чтобы убедиться: как проще
вжиматься в чужую душу

и пусть потом пронзающе-холодно
в колодце утра
куда ты опрокинул себя
в поисках забвения

может быть так и надо —
опрокидываться забываться
не ощущая горечи
и не чувствуя боли
совсем
со всеми

* * *

Дар памяти —
дар возвращенья! —

в август мальчишества,
где пчёлы, влетая в соцветия,
подбираются к сердцу...

О, здесь они! всё ещё здесь! —
как будто я замер,
всю жизнь наблюдая таинство сбора —

и не было лет о другом, как и зим,
и не было глубже вторженья.

К югу от жизни я замер,
наткнувшись на них у самого сердца,
и затаился,
в себе наблюдая
тайнство сбора —

и всё ещё здесь! ...

Этюдник

* * *

Любой из нас обязан сделать всё,
чтобы достойно выйти рано утром
и поприветствовать промокший подорожник...
помочь рабочему нести большие руки,
пропитанные смазкой и железом,
отдать дорогу робкому шоферу,
и с кофе разделить пищеваренье
очередной разбуженной строки.

Мне всё равно, что думают они
об утреннем юнце на перекрестке —
на перепутьях множества судеб,
где мы встречаемся на миг не через вещи,
которые друг другу мастерим,
а взглядами почти что ветеранов
всеобщей созидающей любви.

* * *

Тающий снег в Фонтенбло,
Марсельский залив, темно-синий.
Дома у дороги за каменной изгородью —

я вижу это так живо,
точно Сезанн надел меня фартуком,
и, пробуя в воздухе цвет, краску тёплой глади залива
оставил на мне, как и желтые стены,
и воздух...

Что фартук, что холст — мы оба храним на себе
тающий снег и песчинки,
и пыль от дороги
на сердце...

* * *

Дни висаю́т в один
разбитый рояль
с запавшей клавишей...—

так я живу.
Жду тебя, радостный друг-пересмешник:
дева-свирель...
С нетерпеньем смотрю в окно,
где невольники пьяниц
и плачущих баб —
дети —
возятся в лужах.

Вымокший ветер слизывает с них тепло.

И мне хочется
собрать всех в ладонь
и согреть одним
воспалённым дыханьем...

* * *

Снова лето
в сигнальных башнях цветов —
лампы тюльпанов, разметка ромашек —
чтобы не промахнулось тепло.

Юг — по тропинке,
левее летящих ветвей винограда,
где в тонких клювах ветров
уносятся бережно пчёлы —

там в поющей траве
с призмой зелёных глаз
спит звонкотелый мальчик,
будто смотрит на тайны...

Я вспоминаю
ищу
подбираю
вымучиваю слова,
с которыми надо б уснуть,
чтобы вместо меня
он вновь пробудился...

(Попутчик)

Ночь отступает —
 оконные агаты
 горят всё гуще в серых коробах.
 На улицы, досматривая нас,
 выходят сны
 протаптывать
 привычные дорожки.

В трамваях мелькают девушки,
 но, чуть проехав, на остановках сходят
 одни старухи —
 они бормочут
 наедине с отсутствующими...

А ты смущен, что до сих пор
 не разглядел всех облачных развалин —
 всех падающих атмосферных
 столбов и плит над городом.
 Ты тоже — время, нарощенное на тёплый голосок
 молитвы —

ненужный завиток,
 усердно спрятанный
 под складки воздуха,
 случайный для всех попутчик,
 без умысла
 здесь-зablудившийся...

* * *

Рыба вспорхнула над гладью
 и снова угасла в воде...
 А берег зашлёпал губами,
 когда пробежала моторка
 словно комар-водомер.

Рыба вспыхнула!
 Рядом поймали другую —
 жертве не вспыхнуть, скорее
 воспламенится рыбак
 от счастья
 мшистой корягой...

Я даже уверен — девушка,
 ожившая в утреннем солнце,
 видела как полыхает
 рыжий
 красномордый
 рыбак...

* * *

Весёлый путник —
опалённый ветер! —
в июльский зной спешит к озёрным чашам
напиться соком спелого ручья
и запахами птиц, любви и мёда.

О лета лёт! Листвы лучистый полог.
Земля дозревшая... —
Там старец-муравей,
рожденный этим утром, в долгий полдень
спешит
по золоту колосьев летних дней... —

Кошу их мерно и вяжу в снопы,
как будто мастерю светильники.

Придёт другое время.
Распухнут под дождём суставы сада.
Застынет камнем пруд
в оправе серебристых льдов.

Но сбрасывая снег
с озябших плеч
движеньем золотых воспоминаний,
всю зиму буду печь
хлеба июля...

* * *

Вдоль чистого прибоя васильков
у берегов тропинок
впадающих в обширный горизонт
плывет пастух со стадом

Покачиваясь дружно
над травами
они уходят
в вечность
вечерних голосов...

* * *

Плоды крыжовника —
     глаза бессонной ночи.
 Дорожка разговора завела
 в твою судьбу —
     в два карие окна,
 мерцающие долгими тенями,
     не выдворяемых и обветшалых грёз. —
 Они твои и зеркала, и сёстры,

но мне понятен их строптивый нрав
 и тщательность, с какой они готовят
 густой сироп
     для нашего варенья.

Мне слышится, как в них ещё звучат
 мольбы о счастье, слёзы о прощенье,

и я кладу в крыжовник тихий вздох,
 как будто мне дано чуть больше лета...

И это так старо,
 что всех пора снести без сожаленья
     к старьевщику...

* * *

С навыком сердца стучаться
     в ложную дверь,
 в век каникул для милосердия,
 весь скомканный думами
     слоняешься безотчетно.

Чёрствые ласки —
 верстаки для немой обнаженности —
 истончают тебя,

сверток поцелуя,
     вложенный в губы,
 приносит знакомый привкус измен —

и ты опускаешься в жажде
     среди высохших саженцев лет
     над рассыпанной жизнью,
 как над разбитой
     дорической вазой —

над утраченной музыкой давнего утра,
 когда одно солнце
     сменялось другим.

* * *

Вслушиваюсь в оркестровку:
вот скрипка:
лес полон капканов —
лиса пробирается как балерина.

А здесь на поляне свирель —
вспорхнули губы,
как бабочки, целующие воздух.

Мне нужны чистые формы —
маленькая жизнь травы,
пробежка выпи с кивками,
будто штопает поле невидимой ниткой —
это кларнет.

Постепенно окрестности слуха
заполняет предчувствие —
сейчас!
проснутся мягкими звуками клавиш
в уголках твоих губ
нежные маргаритки...

Архив

* * *

Цветенья целовальные уста
дыханье обложили. Босиком
бежит по выпуклому земляному брюху
призыв к плодоношению.-
Весь сад,
как роженица сладким молоком,
насквозь пропитан
яблоневым духом

* * *

Ребенок, я был напуган
глазами взрослых —
как будто бабочки разоблачались вспять —
в плоть гусениц...

Переходя по коридорам мира,
я проникал в игрушечность сознания,
разглядывая отрасль паука
и водяную призму мироздания.

Мне кажется, с тех пор как я узнал,
что нечего терять мне в этом мире,
я потерялся.